

РИМСКАЯ СТРАТЕГИЯ В IV в. н. э. У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

В. И. Холмогоров

В буржуазной исторической науке твердо укоренилось представление о том, что стратегия римской императорской армии оставалась неизменной на всем протяжении ее истории, иными словами, вплоть до времени гибели этой армии в V в. н. э. Шли столетия, глубочайшим образом изменялся социально-экономический строй Римской империи, изменялся, в связи с этим, состав армии, а римские полководцы с неизменной твердостью и почти всегда с неизменным успехом применяли якобы принцип наступательной стратегии Мольтке—«врозь итти, вместе драться», принцип концентрического наступления несколькими колоннами, против которого бессильны были бороться варварские войска¹. И если в конце империи, в IV в. н. э., стратегические замыслы римских полководцев начали терпеть неудачу, так это об'яснялось только тем, что их стратегии противостояла теперь победоносная стратегия выросших в военном отношении германских вождей,—так, по крайней мере, утверждают немецкие националистические историки, не учитывающие внутренних причин изменения римской стратегии². Но могли ли в действительности римские полководцы поздней империи в своих стратегических расчетах не считаться с той обстановкой, в которой им приходилось действовать, с теми средствами, которыми они располагали, и, прежде всего, с возможностями той армии, которой они командовали? Совершенно очевидно, что этого не могло быть и что состав римской армии этой эпохи должен был оказать могущественное влияние на действия ее полководцев. Личный состав римской армии претерпел, как известно, за последние века империи процесс глубочайшего внутреннего изменения. Можно считать достаточно выясненной ту все более и более значительную роль, которую, уже начиная со II в. н. э., стали играть в римской армии варварские отряды; вместе с тем, переход империи к натуральным формам хозяйства вызвал, уже начиная с первых лет III в., постепенный перевод армии на самоснабжение, создание своеобразных военных поселений вдоль границ империи, превращавших войска в полукрестьянскую милицию³. Но эта милиция в революционном кризисе середины III в. проявила свою ненадежность; поэтому, начиная с правления императора Галлиена, рим-

¹ E. N i e s c h e r, Die Zeit des stehenden Heeres. В «Heerwesen und Kriegsführung der Griechen u. Römer» von J. Kromayer, München, 1928, S. 602. f. В капитальном труде Гроссе (R. G r o s s e, Römische Militärgeschichte..., 1920) ничего не говорится о стратегии.

² E. N i e s c h e r, op. cit., S. 607. Ср. также Г. Д е л ь б р ю к, История военного искусства, т. II (рус. пер. ГВИЗ, 1937), стр. 226 сл. Впрочем, Дельбрюк считает германских вождей «природными стратегами».

³ Г. Д е л ь б р ю к, op. cit., стр. 182 сл.; R. G r o s s e, op. cit., S. 64 f.

ское правительство стремится путем выделения отборных, преимущественно варварских, конных отрядов из рядов армии, расположенной вдоль границ, создать новую надежную армию, не связанную с пограничной службой и находящуюся всецело в распоряжении императорской власти¹. Процесс создания такой новой армии (так наз. *comitatenses*) завершается в эпоху Диоклетиана и Константина; эта армия, в отличие от армии первых веков империи, полностью сосредоточенной на границах, была расположена по крупным городам внутри империи² и обращена, очевидно, в первую очередь против «внутреннего врага» — революционного движения рабов и колонов. Величайшим напряжением всех ресурсов государства Диоклетиану и Константину удалось обеспечить вновь созданной армии и более или менее надежный личный состав, пополняя ее ряды наемниками, главным образом из внеимперских варваров; эти варвары, правда, не поддавались римской дисциплине и военному обучению, но они в глазах римского правительства являлись значительно более надежным материалом, чем охваченное революционным брожением население самой империи. В то же время пограничные войска (так наз. *limitanei* или *riparienses*), в основном сохранившие старую организацию и комплектуемые путем принудительных наборов, превратились в армию второго разряда, в полусолдат-полукрестьян, с несравненно худшими условиями службы, чем у привилегированных «*comitatenses*»³. В отличие от солдат пограничной армии (*limitanei*), прикованных к своим участкам земли около пограничных крепостей, новую армию — *comitatenses*, — принимавшую участие в дальних походах, в буржуазной исторической литературе обычно (хотя и далеко не точно) именуют «полевой армией»⁴. Бедневшей империи не по силам, однако, оказались расходы, связанные с комплектованием этой «полевой армии» одними наемниками; начиная приблизительно с середины IV в., римское правительство вынуждено было все более и более пополнять ее ряды также принудительным набором рекрутов из особых военных колоний варваров — так называемых *летов* и *гентиллов*⁵. Положение *летов* и *гентиллов* под гнетом римской государственной машины было не лучше, чем положение колонов; их восстания засвидетельствованы источниками⁶; внутреннее разложение, таким образом, постепенно охватывало и ряды новой «полевой армии».

Таковы, в общих чертах, были те вооруженные силы, которыми располагали римские полководцы IV в. Уже Энгельс отметил решающее влияние, которое оказало «вырождение римской армии» на характер римской стратегии: «С таким войском, — говорит Энгельс, — которому все более чуждыми становились старая римская дисциплина и выдержка, а вместе с тем и староримская боевая техника, с войском, все в большей мере составлявшимся из провинциалов и, в конце концов, даже из варваров, не входивших в состав империи, уже нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможно давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной, пока, наконец, инициатива в наступлениях не перешла к германцам по всей линии от Немецкого моря до Черного,

¹ R. Grosse, op. cit., S. 15 f. Cp. A. Alföldi, «Ztschr. für Numismatik», 1927, B. 37.

² R. Grosse, op. cit., S. 89 f.

³ R. Grosse, op. cit., S. 88—89.

⁴ Th. Mommsen, Das Römische Militärwesen seit Diocletian, «Hermes», 1889, B. XXIV, S. 228; R. Grosse, op. cit., S. 88; E. Niescher, op. cit., S. 569 f.

⁵ Th. Mommsen, op. cit., S. 252 f; R. Grosse, op. cit., S. 209. Cp. Amm., XX, 8, 13.

⁶ Amm., XVI, II, 4. См. ниже.

через Рейн и Дунай»¹. И далее: «С первых лет III в. начинается наступательная война германцев против римлян, и приблизительно к 250 г. она уже разгорается по всей линии от устья Дуная до Рейнской дельты»². Таким образом, Энгельс считает, что уже со II в., точнее сказать, с эпохи Адриана, когда римская армия начала пополняться почти исключительно провинциалами, а роль варварских вспомогательных войск неизмеримо выросла, империя переходит к обороне, которая с середины III в., с переходом германцев в наступление, принимает особо пассивный характер. В IV в. только с напряжением всех сил Риму удается удерживать свои европейские «естественные границы»—линию Рейна и Дуная; эта линия трещит под все усиливающимся напором варварских племен; варвары неоднократно прорываются через нее; борьба становится для слабеющей империи все более и более безнадежной. Совершенно естественно, что римская стратегия этой эпохи есть та стратегия обороны, которую Клаузевиц характеризует следующими словами: «стратегически оборонительной войной называют такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре войны, который себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера,—это дела не меняет»³. Действительно, войны IV в. почти все развертываются на римской территории; такие крупные наступательные предприятия, как персидский поход Юлиана в 363 г., являлись только исключениями, заранее обреченными на неудачу, отдельные же переходы римской армии через Рейн были, в сущности, лишь развитием обороны и не преследовали никаких наступательных целей⁴. Крупнейшие сражения этой эпохи—под Аргенторатом (357 г.) и при Адрианополе (378 г.)—также были вызваны лишь стремлением восстановить нарушенный «status quo», разгромить варваров, утвердившихся в пределах империи.

Яркую картину этой вынужденной оборонительной стратегии и тех факторов, которые ее определяли, дает произведение последнего крупного римского историка Аммиана Марцеллина «Res gestae», один из важнейших источников по военной истории Рима в IV в. н. э. Хотя данные Аммиана и были, в известной мере, использованы в трудах буржуазных историков римской армии (Моммсен, Гроссе, Дельбрюк, Нишер), но до сих пор не было сделано попытки на основании свидетельств Аммиана составить отчетливое изображение римской стратегии этой эпохи⁵.

Прежде всего римскому командованию приходилось считаться с тем важным обстоятельством, что пограничные войска, все эти многочисленные легионы, алы, когорты и прочие отряды, которые перечисляются еще на страницах «Notitia Dignitatum»⁶ уже с середины IV в. оказались совершенно неспособными даже под прикрытием укреплений защищать границу от непрерывных вторжений варваров. Около 350 г., во время борьбы императора Констанция с Магненцием, варвары—франки, аламанны и саксы—прорывают границу по всей линии Рейна, от моря до Базеля, и утверждают

¹ Ф. Энгельс, К истории древних германцев; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 3Е2.

² Ф. Энгельс, К истории древних германцев, стр. 371.

³ К. Клаузевиц, О войне, ГВИЗ, 1936, т. II, изд. 3-е, стр. 449 (против этих слов на полях заметка В. И. Ленина: «NB Верно»).

⁴ См. ниже.

⁵ Существует даже упорная тенденция принизить значение «Истории» Аммиана как источника по военной истории Рима в IV в. н. э., причем Аммиану противопоставляется такой формальный, внешне-описательный источник, как «Notitia Dignitatum». См. E. N i e s c h e r, Die Quellen für das spätrömische Heerwesen. «The Amer. Jour. of Philol.», 1932, v. LIII, p. 25 sq. Cp. A. M ü l l e r, Militaria aus Ammianus Marcellinus, «Philologus», 1905, B. LXIV, S. 573 f.

⁶ См. «Not. Dign.»—passim.

ся на римской территории, заняв, как сообщают источники, до 45 городов¹. Аммиан говорит, имея, очевидно, в виду слабость пограничной обороны, что «вследствие продолжительного небрежения» Галлия претерпевала страшные бедствия от «свободно бродивших по ней варваров»². Что прорыв этот не был исключением или случайностью, вызванной борьбой двух претендентов на римский престол,—показывает дальнейшая история борьбы на Рейне и Дунае, достаточно подробно описанная Аммианом. Несмотря на тяжелое поражение, которое Юлиан нанес в 357 г. при Аргенторате (ныне Страсбург) аламаннам, и значительные успехи Валентиниана I, набеги саксов, франков, и особенно аламаннов, не только не прекращаются, но даже усиливаются с каждым годом. За сравнительно короткий период, с 354 по 378 г., описанный в сохранившихся книгах истории Аммиана, иными словами, за 24 года, можно насчитать 17 значительных набегов различных варварских племен на западные провинции империи—Галлию, Рэцию, Иллирию и Паннонию, не считая даже набегов пиктов, скотов и саксов на Британию³. Против таких набегов не могли защитить империю и линии укреплений, сооруженных вдоль границ, которые ранее давали достаточно надежную защиту от варваров. Ко времени прибытия Юлиана в Галлию (в начале 356 г.) линия рейнских укреплений была полностью разрушена (XXI, 3); разрушены и заброшены были также и укрепления по Мозе (Маасу)⁴. Юлиан после удачных походов 360 г. восстанавливает и восточную (рейнскую) и северо-восточную (маасскую) укрепленные линии (XVI, 11; XVIII, 2; XX, 10; XVII, 9); но с уходом «полевой армии» Юлиана из Галлии эти укрепления были, очевидно, вскоре же разрушены варварами, так как император Валентиниан I в 368 г. вновь вынужден был производить большие работы по укреплению всей рейнской границы—от устьев Рейна до Рэции⁵. Однако, даже опираясь на такую основательную цепь укреплений, пограничные войска, как уже отмечалось, не могли обезопасить империю от варварских вторжений—набеги продолжались из года в год. Необходимо отметить, что обычно в таких набегегах принимали участие лишь крайне малочисленные конные дружины варварских вождей; так, Аммиан, рассказывая о набеге франков в 357 г., указывает, что в римские владения прорывался «сильнейший отряд франков в составе 600 легковооруженных»⁶; следовательно, обычная численность конной дружины, отправлявшейся в набег, вряд ли превышала 400—500 всадников. Тем не менее, и с такими грабительскими шайками были бессильны бороться пограничные войска, насчитывавшие в своих рядах немало конных отрядов. Пограничные войска уже во второй половине IV в. потеряли всякую боеспособность; солдаты-поселенцы, обязанные возделывать свои участки земли и нести наследственную военную службу⁷, не менее прочих колонов чувствовали на себе беспощадный гнет римской государственной машины и потому смотрели на варваров не как на врагов, а как на своих избавителей. Таким образом, единственной реальной боевой силой, на которую могло рассчитывать римское командование даже в борьбе с мелкими набегами варваров, являлась «полевая армия». Это было настолько ясно всему

¹ Zosim, III, 1; Eutrop., X, 14; Amm., XV, 8;

² Amm., XV, 5, 2... Cum diuturna incuria Galliae caedes acerbis rapinasque et incendia barbaris licenter grassantibus nullo iuvante perferrent.

³ Amm., XIV, 10; XV, 5; XVI, 2, 5; XVII, 2, 6, 8, 13; XXVI, 5; XXVII, 1, 2, 8, 10; XXVIII, 5; XXIX, 6; XXX, 3; XXXI, 10.

⁴ Amm., XVII, 9... subversa dudum obstinatione barbarica...

⁵ Amm., XXVIII, 2, 1. «...Rhenum omnem a Raetartum exordio ad usque fretalem Oceanum magnis molibus communiebat, castra extollens altius et castella turresque adsidas per habiles locos et opportunos qua Galliarum extenditur longitudo...».

⁶ Amm., XVII, 2, 1... Francorum validissimos cuneos in sexcentis velitibus...

⁷ SHA, Vita Alex., 58; Cod. Just., 1, 27, 28.

господствующему классу империи, что, когда Валентиниан I в 365 г., нанеся сильные удары германцам, собирался выступить со своей «полевой армией» на Восток против претендента Прокопия, не только приближенные, но и особая делегация от значительнейших городов Галлии просили императора не оставлять их беззащитными перед угрозой новых варварских нашествий¹. Действительно, только присутствие частей «полевой армии» являлось известной гарантией против таких вторжений; на защиту пограничных войск во второй половине IV в. уже нельзя было возлагать никаких надежд. Следовательно, стратегическая оборона империи в эту эпоху могла строиться лишь на активных операциях «полевой армии», которая, при своей сравнительно небольшой численности², неспособна была, конечно, давать повсеместный отпор варварам на пограничных рубежах, но которая могла, по крайней мере, преследовать и уничтожать прорвавшиеся в глубь империи варварские отряды. Поэтому, основой стратегического расчета римского командования является быстрота действий, нанесение в возможно короткий срок наибольшего количества стремительных ударов. Отсюда все возрастающая роль конницы в эту эпоху и распадение громоздких, шеститысячных легионов старого времени на небольшие самостоятельные соединения, так называемые «новые легионы» полевой армии, насчитывавшие не более 1 тыс. человек в своих рядах³. Отправленный на борьбу с варварами римский полководец, располагавший обычно весьма незначительными силами⁴, стремился прежде всего, опираясь на укрепленные города, которые, как правило, не удавалось захватить варварам⁵, в ряде следовавших один за другим быстрых походах обойти порученные его защите провинции, преследуя и разбивая по частям рассыпавшихся мелкими отрядами варваров или отбрасывая их за пределы римских владений. Так действовал в 354 г. в Галлии магистр пехоты Сильван (XV, 5, 4), после него в 356—357 гг. в более крупном масштабе Юлиан (XVI, 2, 3, 4, 11), а затем, в 367 г., магистр конницы Иовиан; последнего Аммиан ослепенно восхваляет за то искусство, с которым он последовательно разбил три значительных отряда аламаннов, проникших в глубь Галлии вплоть до *Catelauni* (Шалон на Марне) (XXVII, 1, 2). Для того чтобы достигнуть наибольшей быстроты движения, Юлиан брал иногда в поход лишь тяжеловооруженную конницу (*catafractarii*) и «полевую артиллерию» — отряды (легионы?) баллистариев (*ballistarii* — солдаты при метательных орудиях — баллистах), передвигавшихся, очевидно, на повозках⁶. Действия «полевой армии» превращались, в сущности, в «малую войну» — непрерывную, изнурительную, сковывавшую эту единственную

¹ *A m m .*, XXVI, 5, 12... *verum ardens ad redeundum eius impetus molliabatur consiliis proximorum, suadentium et orantium ne interneciva minantibus barbaris exponeret Gallias, neve hac causatione provincias desereret, egentes adminiculis magnis, quo legationes urbium accessere nobilium, precantes ne in rebus duris et dubiis inpropugnatas eas relinqueret...*

² Точная численность «полевой армии», как, впрочем, и всех римских вооруженных сил в IV в., неизвестна. Однако, на основании свидетельств Аммиана (XVI, 11, 2; XVI, 12, 2), можно предположить, что «полевая армия» каждой части империи — запада и востока — не превышала 40—45 тыс. человек; см. Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 194—195.

³ *Th. M o m s e n*, *op. cit.*, S. 254—255; *R. G r o s s e*, *op. cit.*, S. 29 f.

⁴ Под командой магистра пехоты Сильвана (354 г.) находилась всего 8-тысячная армия. См. *A m m .*, XV, 1, 2, 4.

⁵ Германцы не умели осаждать укрепленные города, почему Аммиан (XXXI, 6, 4) и называет их «*homines ignaros obsidendi*». Впрочем, иногда, при благоприятных обстоятельствах, германцы решались нападать и на города; так, об одном из аламаннских «королей», Макриане, Аммиан говорит, что он «... *etiam ipsa moenia urbium temptatum*» (XXX, 3, 3).

⁶ *A m m .*, XVI, 2, 5... *et nequa interveniat mora, adhibitis catafractariis solis et ballistariis...*

боевую силу империи и не дававшую ей возможности сосредоточиться в одном месте для операций крупного масштаба. Впрочем, в случае удачного развертывания боевых действий, иными словами, после того как удавалось разбить и уничтожить вторгшиеся в пределы империи отряды варваров, римское командование и во второй половине IV в. стремилось, используя достигнутые успехи, нанести варварам ответный удар. Характеризуя основные приемы стратегической обороны, Клаузевиц говорит: «Даже в тех случаях, когда задача войны сводится к одному лишь сопротивлению, все же простое отражение удара явится противоречащим понятию войны, ибо ведение войны заключается, бесспорно, не в одном претерпевании. Когда обороняющийся добился значительных преимуществ, оборона свою задачу выполнила, и он должен под защитой полученных выгод отплатить ударом за удар, если не хочет итти навстречу неминуемой гибели. Мудрость, требующая, чтобы железо ковалось, пока оно горячо, требует и использования достигнутого перевеса, дабы предотвратить вторичное нападение»¹. Именно такой характер развития стратегической обороны с целью хотя бы на некоторое время обезопасить собственные владения от вторжений варваров и носили в эту эпоху походы римской армии за Дунай и Рейн, т. е. за границы империи. Юлиан в 357—360 гг. пять раз переходил через Рейн—один раз в область франко-хаттуариев (на правом берегу нижнего Рейна) и четыре раза в землю аламаннов (XVII, 1; XVII, 10; XVIII, 2; XX, 10; XXI, 4); Валентиниан I переправлялся через Рейн, также в землю аламаннов, два раза—в 368 г. и в 373 г. (XXVII, 10; XXIX, 4); император Грациан в 377 г. по пути во Фракию совершил зарейнский поход против аламаннов-лентиензов (XXXI, 10). Кроме того, магистр конницы Феодосий (старший) в 369 г. (XXVIII, 5) и comes domesticum Меробавд в 377 г. (XXXI, 10) совершили две экспедиции против южных аламаннов (очевидно, тех же лентиензов) через Рэцию. В 388 г., преследуя рипуарских франков, опустошивших окрестности Colonia Agrippinensis (Кельна), римская армия под командованием полководца Квинтина (Quintinus) перешла Рейн около Нейсса (Neuss), но в лесистой местности была окружена франками и полностью уничтожена². Наконец, зимою 392 г. в землю тех же франков около Кельна переправляется Арбогаст и возвращается обратно, заключив с франками договор, очевидно, о поставке воинов для предстоящей борьбы с Феодосием³. Но все эти зарейнские походы были, в сущности, кратковременными экспедициями, основным залогом успеха которых являлись скрытность и быстрота действий. Необходимо было не дать возможности варварам собрать значительные силы, способные воспрепятствовать переправе. Аммиан отмечает, что переправы совершались «скрытно, тайно» (*tacite, latenter*) (XXVIII, 4, 2; XXXI, 10, 11...). Юлиан в 357 г. перебросил конницу по мосту, а 800 солдат на легких судах переправились в другом месте (XVII, 1). Переправившись, римская армия быстро пересекала вражескую страну, подвергая все на своем пути опустошению (XVII, 10, 6...); варвары обычно, не принимая боя, отступали в трудно доступные леса и возвышенности, откуда тревожили римлян внезапными нападениями (XVII, 1, 7; XVIII, 2, 14; XXVII, 10, 9; XXXI, 10, 10). Опасаясь боевых действий в лесах, где варвары, благодаря знанию местности и искусственным заграждениям из сваленных деревьев, имели огромные преимущества, римские армии продвигались лишь по прибрежной полосе, не отходя от Рейна более чем на 15—25 км; так, Аммиан говорит, что, пройдя 10 римских миль, Юлиан

¹ Клаузевиц, О войне, ГВИЗ, 1936, т. II, изд. 3-е, стр. 23.

² Grig. Turon., II, 9 (по Сульпицию Александру).

³ Grig. Turon., II, 9.

(в 357 г.) не решился двинуться далее, испугавшись огромного леса¹, а Валентиниан I в 373 г., «предав огню землю врагов до 15-го милевого столба... возвратился в Треверы (Трир)» (XXIX, 4, 6...). Насколько опасны были попытки проникнуть в глубь страны, показывает упомянутая выше неудача похода 388 г., когда римская армия почти поголовно была истреблена франками, атаковавшими ее из своих «лесных засад». Поэтому, опустошив в короткое время прибрежную полосу и заключив мир, который нередко нарушался уже на следующий год, римляне возвращались обратно. Таким образом, зарейнские походы римлян этой эпохи не имеют ничего общего с широко задуманными наступательными операциями, но весьма напоминают грабительские набеги варваров на территорию империи—варварские солдаты Рима также уводили с собою немало скота и прочей добычи; стратегическое же значение этих походов было, в сущности, ничтожно, так как варвары, уклоняясь от сражений, сохраняли свою живую силу, а потерю имущества могли без особого труда возместить в ближайшем набеге. Лишь в весьма редких случаях римское командование пыталось закрепить свои успехи созданием опорных баз на правом берегу Рейна. Так, Юлиан в 357 г. восстановил старинное римское укрепление (основанное, по словам Аммиана, еще Траяном) при впадении реки Нидды в Майн и снабдил его гарнизоном². Валентиниан I в 368—369 гг. также сооружает укрепления за Рейном³. Но все эти зарейнские укрепления, очевидно, простояли весьма непродолжительное время. Аммиан сам отмечает, что попытка Валентиниана соорудить укрепление *in monte Piri* (близ нынешнего Гейдельберга) закончилась полной неудачей: посланный туда римский отряд был еще во время работы совершенно истреблен аламаннами (XXVIII, 2, 5, 9). Лишенные прочной связи с римским берегом, такие укрепления не могли, разумеется, сыграть сколько-нибудь значительной роли в борьбе с варварами и вскоре разрушались; во всяком случае никаких известий об их дальнейшей судьбе не сохранилось. Таким образом, зарейнские походы, в лучшем случае, могли на один-два года приостановить набеги германцев, и то лишь при условии, что «полевая армия» оставалась в Галлии; как уже упоминалось⁴, уход этой армии вызвал немедленное возобновление вторжений. Но, несомненно, самым грозным было для римского командования то обстоятельство, что прорвавшиеся через границу даже незначительные варварские отряды в дальнейшем уже не встречали на своем пути никакого сопротивления со стороны народных масс провинций⁵; ведь для этих народных масс варвары были избавителями от невыносимого гнета римского государства, которое, по выражению Энгельса, «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»⁶. Неудивительно поэтому, что шайки варваров могли «свободно бродить» по провинциям и безнаказанно разграблять богатые виллы (XXVII, 2, 2). Даже гарнизоны внутриимперских крепостей—легионы так называемых псевдокомитатензов (*pseudocomitatenses*), отсиживавшиеся за своими стенами, далеко не всегда давали надлежащий отпор прямым напа-

¹ *A m m.*, XVII, 1, 8... *emensaque aestimatione decimi lapidis cum prope silvam venisset squalore tenebrarum horrendam, stetit diu cunctando...*; сделанная все же римлянами попытка пробиться через лес не увенчалась успехом.

² *A m m.*, XVII, 1, 11—13; см. *BPhW*, 1892, 6, S. 161—163.

³ *A m m.*, XXVIII, 2, 1... *nonnumquam etiam ultra flumen aedificiis positissubradens barbaros fines.*

⁴ См. выше.

⁵ *A m m.*, XVI, 12, 5... (*rex Chnodomarius—diu nullo refragante Gallias persultavit...* ср. XV, 5, 2).

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи...; К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 125.

дениям варваров на охраняемые ими города. Так, Аммиан сообщает, что когда в 356 г. аламанны внезапно напали на крепость Augustudunum (ныне Autun), то гарнизон ее проявил полнейшую бездеятельность, и город был спасен лишь случайно подошедшим отрядом ветеранов (XVI, 2, 1). Очевидно, не только колонны и государственные крестьяне, носившие название пограничных войск, но и солдаты гарнизонных частей, об условиях быта которых, к сожалению, ничего неизвестно, переставали уже смотреть на варваров как на своих врагов; неудивительно, что варвары, учитывая это обстоятельство, даже «не зная искусства осады», иногда «дерзали нападать на укрепленные города». При таких условиях борьба «полевой армии» становилась все более и более безнадежной. Все же римское командование с величайшим упорством и настойчивостью вновь и вновь бросало ее части на ликвидацию варварских вторжений. Но приблизительно с середины IV в. сопротивление народных масс римскому государству, которое в первой половине этого столетия выражалось, главным образом, именно в отсутствии отпора варварским вторжениям да в огромном развитии разбойничества, сделавшего, по словам Аммиана, непроезжими дороги Галлии (XXVIII, 2, 10), начинает перерастать в широкое революционное движение, создававшее все более и более грозную опасность тылу действующей римской армии. Яркими примерами того, какое могущественное влияние этот фактор—рост революционного движения внутри империи—оказывал на римскую стратегию, являются наиболее крупные операции этой эпохи—кампания Юлиана против аламаннов в Галлии в 357 г. и борьба с готами на Балканском полуострове в 378 г., приведшая к Адрианопольскому сражению.

На лето 357 г. Юлианом, управлявшим в это время Галлией, было наметено проведение широкой операции против аламаннов, захвативших часть прирейнских земель (нынешний Эльзас) и совершавших далекие походы в глубь Галлии. По плану, разработанному, очевидно, Юлианом, предполагалось, что сам Юлиан с армией в 13—15 тыс. человек¹ двинется от Remi (Реймс) на восток (XVI, 11, 1), в то время как магистр пехоты Барбацион с 25-тысячной армией, сосредоточенной у Rauraci (близ Базеля) (XVI, 11, 2), атакует неприятеля с юга и, таким образом, концентрическим движением двух римских армий—одной с запада на восток, другой с юга на север—аламанны будут взяты, по выражению Аммиана, «в клещи» и полностью уничтожены. Однако этот тщательно разработанный план не мог быть осуществлен; Барбацион потерпел поражение от аламаннов до начала решительного наступления Юлиана и отвел свои войска на зимние квартиры (XVI, 11, 14—15), вследствие чего Юлиану пришлось действовать лишь с собственными силами. В чем же заключалась причина поражения Барбациона, приведшая к срыву всего плана операции? Аммиан объясняет ее ненавистью, которую Барбацион питал к Юлиану, ненавистью, которая заставляла его намеренно действовать вяло и нерешительно (XVI, 11, 12—13, 15); но Нишер², признавая возможность известных трений между Барбационом и Юлианом, совершенно основательно замечает, что эти трения не могли все же привести к полному изменению плана кампании. Поэтому Нишер склонен приписать решающую роль в поражении Барбациона стратегическому искусству аламаннов, которые, умело действуя по внутренним операционным линиям, выставили сперва слабый заслон против армии Юлиана, сосредоточив главные силы против Барбациона, а затем, разбив его, двинули основную массу своих войск против Юлиана³. У самого Аммиана имеется, однако, указание на иную связь событий; именно, рас-

¹ A m m., XVI, 12, 2, ср. Д е л ь б р ю к, op. cit., стр. 218.

² E. N i e s c h e r, Die Schlacht bei Strassburg, «Klio», 1927, S. 394.

³ E. N i e s c h e r, ibid.

сказав о первоначальном плане кампании, о намерении римского командования взять «в клещи» аламаннов, Аммиан продолжает: «Когда уже приступили к скорейшему выполнению этого хорошо разработанного плана, леты-варвары... напали на Лугдун (Лион)». Аммиан отмечает, следовательно, что это внезапное событие—восстание варварских военных колонистов-летов в тылу действующей римской армии и стремительное их нападение на богатейший город Галлии—нарушило осуществление плана; далее он рассказывает, что Юлиан, спешно перебросив в тыл конницу, уничтожил часть летов, но другой части их удалось прорваться в Германию через позиции армии Барбациона (XVI, 11, 5—6). Аммиан опять-таки объясняет эту неудачу намеренным стремлением Барбациона противодействовать замыслам Юлиана (XVI, 11, 7); гораздо естественнее, конечно, объяснить ее просто невозможностью для Барбациона предотвратить этот внезапный прорыв. В таком случае армия Барбациона сразу оказалась в очень трудном положении; атакованная летами с тыла, она имела против себя значительные силы аламаннов и таким образом сама оказалась «в клещах». Но если даже допустить, как настаивает Аммиан, что Барбацион намеренно пропустил летов мимо себя, то и тогда аламанны должны были получить в лице летов такое значительное подкрепление, что поражение Барбациона находило вполне удовлетворительное объяснение, и для него в сложившейся обстановке, действительно, не оставалось другого выхода, как поспешное отступление на юг. Юлиан, правда, собственными силами продолжал наступление, приведшее его к большой победе при Аргенторате, но победа эта, по справедливому замечанию Витерсгейма¹, была лишь победой тактической, а не стратегической—аламанны понесли значительный урон и были отброшены за Рейн, план же их полного окружения и разгрома не был осуществлен. Таким образом, не «стратегическое искусство аламаннских вождей», которым так восхищается Нишер, а восстание летов на территории империи, в тылу римских армий, привело, в конечном счете, к неудаче крупнейшей операции, задуманной римским командованием.

Не менее яркий пример могущественного воздействия революционного движения внутри империи на римскую стратегию второй половины IV в. может дать анализ операций 378 г. на Балканском полуострове. Основным вопросом, встающим перед исследователем этих операций, является вопрос о причинах, побудивших императора Восточной половины империи Валента дать решительное сражение готам до прибытия двинувшейся к нему на помощь армии императора Запада Грациана, находившейся в это время уже в Верхней Мезии. Аммиан, склонный придавать огромное значение придворным интригам, приписывает это «гибельное решение» зависти Валента к недавним победам своего племянника Грациана и нежеланию сделать его участником новых побед (XXXI, 12, 1; 5—7). Дельбрюк—и в этом отношении он совершенно прав—называет это мнение Аммиана «кадьютантской сплетней» и решительно отказывается считаться с ним, указывая, что «Валент, призвав на помощь своего племянника, в тот момент, когда тот находился уже поблизости от него, не начал бы решительного сражения, если бы он не был убежден в том, что к этому вынужден, или если бы он не был твердо уверен в своей победе»². Поэтому Дельбрюк и утверждает, что, во-первых, Валент был вынужден дать сражение, так как, выступив из Адрианополя долиной Марицы по направлению к Филиппополю на соединение с Грацианом, внезапно узнал,

¹ Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung, 2. Aufl., B. 1, S. 470.

² Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 227.

что готы появились в его тылу, близ Адрианополя, и угрожают константинопольской дороге, и потому спешно вернулся назад; во-вторых, Валент был твердо уверен в своей победе, так как римская разведка, по словам Аммиана, ошибочно донесла, что у Адрианополя находится всего около 10 000 готов, а с таким войском Валент надеялся справиться собственными силами¹. В сущности, Дельбрюк решающее значение придает именно этому последнему обстоятельству, т. е. безусловной уверенности Валента в возможности одержать решительную победу над готами силами собственной армии, которая, по мнению Дельбрюка, на несколько тысяч человек превосходила предполагаемые силы готов. Действительно, появление готов у Адрианополя после возвращения Валента со своей армией к этому городу само по себе никак не могло вызвать немедленное сражение; сам Дельбрюк указывает, что «Валент мог бы здесь (в Адрианополе) спокойно остановиться и дожидаться прибытия второго римского войска»². Правда, Дельбрюк говорит далее, что готы разорвали ту линию связи, по которой шел подвоз продовольствия к армии Валента, и смогли разграбить богатую область Фракии до самого Константинополя³; но у Аммиана нет ни малейшего указания на то, что готы уже продвинулись в это время далеко за Адрианополь; наоборот, он указывает (XXXI, 12, 3), что готы, опасаясь нападения, двигались медленно и в момент сражения находились близ крепости Ника (16,5 км от Адрианополя). Кроме того, сомнительно, чтобы готы вообще решились на глубокое наступление, имея перед собой такую неприступную твердыню, как Константинополь, а в тылу у себя—обе императорские армии, опирающиеся на сильно укрепленный Адрианополь, который готы не смогли взять даже после своей решительной победы (XXXI, 15). Возможность отступления к нижнему Дунаю, на которую указывает Дельбрюк⁴, в случае такого глубокого проникновения на юг для готов должна была представляться маловероятной. Таким образом, появление готов у Адрианополя само по себе могло только вызвать возвращение Валента к этому городу, но никак не могло побудить императора немедленно дать сражение, не дожидаясь подхода второй римской армии. Остается, следовательно, второе соображение Дельбрюка, которому и он сам придает наибольшее значение,—о полной уверенности Валента в численном превосходстве своей армии над силами готов и в возможности самостоятельно одержать над ними решительную победу. Но и это соображение представляется мало убедительным; ведь совершенно очевидно, что соединение с армией Грациана давало Валенту лишнюю гарантию победы, и, принимая мнение Дельбрюка, необходимо, в сущности, возвратиться к версии Аммиана, что у Валента, действительно, были какие-то основания не желать, чтобы Грациан принял участие в предстоящем сражении. Только глубочайшее убеждение, что нельзя терять на ожидание ни одного дня, могло побудить Валента и его полководцев принять рискованное решение—дать генеральное сражение до подхода вызванных подкреплений⁵. Совершенно иной вид приобретают

¹ Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 226 сл.; ср. *A m m.*, XXXI, 12, 3.

² Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 226.

³ Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 227.

⁴ Г. Дельбрюк, *op. cit.*, стр. 226.

⁵ Дельбрюк (*op. cit.*, стр. 231) непонятным образом утверждает, что в штабе Валента не раздалось ни одного голоса, советовавшего обождать прибытия Грациана, в то время как Аммиан, рассказом которого пользовался Дельбрюк, вполне определенно указывает, что магистр конницы Виктор, при поддержке многих, настаивал на необходимости подождать прибытия войск Грациана... *Victor nomine magister equitum, Sarmata sed cunctator et cautus, eadem sententibus multis imperii socium expectari censebat, ut incrementis exercitus Gallicani adscitis opprimeretur levius tumor barbaricus flammans* (*A m m.*, XXXI, 12, 6).

операции римских армий накануне Адрианопольского сражения, если вспомнить, какой характер вообще приняла борьба империи с готами на Балканском полуострове. Известно, что восстание готов вызвало массовое революционное движение рабов, колонов и крепостных рабочих, поддержку которых широко использовали готы (XXXI, 6, 5—6). Очевидно, приближение готов к Адрианополю вызвало, как и в других местностях Фракии, восстание эксплуатируемых масс в области между Адрианополем и Константинополем, куда, возможно, уже проникли мелкие разъезды готов. Что дело обстояло именно таким образом, подтверждается рассказом Аммиана о действиях готов после Адрианопольского сражения; «готы, — говорит он, — решили захватить Перинф (на берегу Мраморного моря) и другие богатые города». «Сведения обо всем они получали от перебежчиков, которые знали не только то, что имеется в городах, но даже и внутри каждого дома» (XXXI, 16, 1). Союзники готов, имевшиеся в каждом доме, — очевидно, рабы и колоны, которые, вероятно, поднялись значительно ранее сражения. Даже в самой столице — Константинополе — было весьма неспокойно. Аммиан сообщает, что Валенту перед выступлением в поход против готов пришлось подавить восстание в столице (XXXI, 11, 1), а церковный историк Сократ передает, что в Константинополе рассказывали о клятве, данной будто бы императором Валентом по возвращении своем из похода, — совершенно разрушить непокорный город (Socrat., IV, 38). Армии Валента, следовательно, не только грозила опасность быть отрезанной от подвоза продовольствия, но она уже была отрезана от столицы, только не готами, которые не продвигались южнее Адрианополя, а начавшимся здесь восстанием. При таких условиях, имея за собою разгоравшееся восстание, а в непосредственной близости войско готов, в любую минуту могущее подать помощь восставшим, Валенту, действительно, нельзя было терять ни одного дня, и он, хотя и не без колебаний, о чем свидетельствуют прения в военном совете, решился немедленно атаковать готов. Сражение закончилось полным разгромом и уничтожением всей римской армии и гибелью самого императора. Революционное движение внутри империи оказалось тем решающим фактором, который определил римскую стратегию в кампании 378 г., стратегию, которую нельзя понять без учета этого фактора¹.

Итак, стратегия римской армии в IV в. н. э. в полной мере отражает то состояние глубокого упадка, в котором находилось государство, этой армией защищаемое; «вырождение армии», отмеченное еще Энгельсом, все более и более очевидное падение боеспособности даже ее лучших отборных частей (так наз. «полевой армии»), враждебное отношение широких народных масс к защите ненавистного государственного порядка, наконец, открытое революционное движение в тылу — все это не могло не привести к пассивности стратегии римских полководцев этой эпохи, а затем и к полному провалу всех их стратегических замыслов. Адрианопольская катастрофа является, как известно, началом конца римской армии; от этого разгрома она не смогла оправиться. Зажатая между яростно напирающими варварами и пожаром восстания, пылавшим в тылу, разлагаясь изнутри, погибала последняя боевая сила империи — «полевая армия», созданная диоклетиано-константиновской реформой.

¹ Даже Дельбрюк (op. cit., стр. 234) вынужден признать, что события 378 г. не объяснимы только из «непосредственно военных оснований».

